

Евгения Чая
Дело было
в Ручейках

Евгения Чая

Дело было в Ручейках

«Автор»

2026

Чая Е.

Дело было в Ручейках / Е. Чая — «Автор», 2026

В деревне Ручейки что-то происходит. Нечисть, ведьмы и тому подобное: селянам вот даже жалобу в инквизиторский отдел пришлось подавать! И разобраться в этом предстоит ведьме Агате и инквизитору Константину. Вот только Агате надлежит защитить обвиняемую в преступлении ведьму, а Косте как раз наоборот. Чтобы выяснить, что на самом деле происходит в Ручейках, героям волей-неволей придётся объединить силы. Примечание: бешеных страстей и острого противостояния характеров не предусмотрено! Будет мило и симпатично. И не говорите, что вас не предупреждали.

© Чая Е., 2026

© Автор, 2026

Евгения Чая

Дело было в Ручейках

АННОТАЦИЯ

В деревне Ручейки что-то происходит. Нечисть, ведьмы и тому подобное: селянам вот даже жалобу в инквизиторский отдел пришлось подавать! И разобраться в этом предстоит ведьме Агате и инквизитору Константину.

Вот только Агате надлежит защитить обвиняемую в преступлении ведьму, а Косте – как раз наоборот. Чтобы выяснить, что на самом деле происходит в Ручейках, героям волей-неволей придётся объединить силы.

Примечание: бешеных страстей и острого противостояния характеров не предусмотрено! Будет мило и симпатично. И не говорите, что вас не предупреждали.

ГЛАВА 1. Щенки

(Агата)

Вопреки ожиданиям, первая миссия Агате досталась довольно-таки скучная. Ну вот не для того она в ведьминой школе протирала юбку на лавке, не для того получила диплом защитницы, чтобы ехать в какие-то унылые, скучные Ручейки! Выручать предстояло даже не настоящую ведьму, а гадалку. К таким у всех, кто хоть сколько-то магией владел, отношение было пренебрежительное. Но по реестру гадалка вроде как была «наша», то есть относилась к колдовскому сообществу (или, по старинке, ковену), и деваться Агате Кириной было некуда. Надо ехать и защищать. Подробностей ей не давали, только сказали «дело там несложное». Надо было приехать, разобраться, провести расследование и выстроить линию защиты.

В электричке Агата с радостью отметила, что народу пока немного. Поезда и электрички она любила. Нравилось ей глазеть в окошко на мелькающие поля и леса, домишки и станции, пригорки, стада и всё остальное. Поездки настраивали её на особый лад, какой-то очень романтический и немного меланхоличный. Жаль только, что ехала она не одна. Едва поезд тронулся с места, как напротив сел молодой парень, плюхнув рядом с собой на сиденье объёмистый баул. Маленький спортивный рюкзачок он оставил на коленях.

– Привет, – сказал парень. – Куда едешь?

Агата не ответила, только дёрнула плечами, показывая, что не расположена болтать с незнакомыми парнями, даже если у них рыжий чуб смешно торчит над высоким чистым лбом, а серые глаза так и светятся задором да весельем. Симпатичный, в общем, парень. Наверняка не из сельской местности, вон какой модный рюкзачок себе отхватил – то ли в команде какой-то числился, то ли в магазине «Спортивная жизнь» очередь отстоял...

Почти сразу после того, как электричка поехала, в вагоне возникли пухловатый контролёр и худощавый милиционер.

– Билетики предъявим, – сказал контролёр.

– Документы готовим, – вторил ему милиционер.

– Видишь, какие мы подозрительные личности, – подмигнул Агате парень и протянул милиционеру паспорт.

– Билет до Ручейков, – сказал контролёр как будто бы тревожно.

– По какой надобности едете в Ручейки, граждане студенты? – спросил милиционер с недобрим весельем.

– Мы не вместе, – Агата смерила быстрым взглядом своего попутчика. – Я вообще по работе. В командировку.

О, как же солидно это звучало: «командировка»! А так-то даже жить пока негде, и если придётся задержаться больше, чем на день, придётся по дворам ходить, искать комнату...

– Я тоже работать, – сказал парень. – А что, в Ручейки нельзя по работе?

– В Ручейках нынче беспокойно, – возвращая документы, ответил милиционер. – Происходят там всякие...

– Чудеса, – подсказал контролёр.

– Безобразия, – не согласился милиционер. – Да и студентов понаехало, хулиганят. Практиканты, – добавил, будто ругательство. – Счастливого пути.

Контролёр засеменил за ним. Стайка ребят лет четырнадцати-пятнадцати, хихикая и шушукаясь, упорхнула в соседний вагон. Почуввав неладное, контролёр устремился за ними.

– В Ручейки. Значит, нам по пути, – сказал парень спокойно. – Я, если что, Костя.

– Рада за вас, молодой человек, – ответила Агата и огляделась по сторонам, куда бы перебраться. Но как назло, места у окошек были уже все заняты. К тому же приближалась небольшая станция, Деминская, а там могли набежать туристы. Тут встанешь – там уже не сядешь, и придётся до пятидесяти третьего километра или даже до Зазоров ехать стоя.

– Рюкзак твой закинуть? – спросил Костя, вставая и засовывая свой баул на сетчатую полку над окном.

– Не трогай, – огрызнулась Агата.

– Прости, я уже пару раз за него задел, но если хочешь, могу отряхнуть, – усмехнулся парень.

Она не удержалась и тоже улыбнулась.

Всё-таки он был довольно славный, этот спортсмен или кто он там с его рюкзачком. Из тех, кто не зануда-отличник и в то же время не хулиган-безобразник.

– Но рюкзак всё же не убирай, – сказала Агата. – У меня там термос и бутерброды.

– О, – обрадовался Костя. – Это весьма кстати! А у меня пирожки. Бабушкины. Варёных яиц и огурцов только не хватает – классика поездов.

– И курицы, – засмеялась Агата. – Но нет, яйца и курица – это для плацкарта.

– А для купе?

– А для купе вагон-ресторан, – авторитетно заявила девушка. – Только я никогда в купе не ездила. Мы даже до Таврики в плацкарте ехали.

– И как там Таврика? – поинтересовался Костя, доставая из своего рюкзака полиэтиленовый мешок.

В нём, отдельно завёрнутые в вафельное полотенечико, ждали своего часа жареные пирожки. Запах пробивался сквозь все преграды.

– Таврика там прекрасно, но нынче едем в другую сторону, – вздохнула Агата.

– Круглые с мясом, длинные с картошкой, – сказал парень, тем самым приглашая «к столу».

Бутерброды Агаты тоже не подкачали. Колбаса была не какая-нибудь там, а настоящая полукопчёная, нарезанная толстыми аппетитными ломтиками. И сыр с дырочками.

– И с той поры началась у них совсем другая жизнь, – сказал Костя.

Агата налила ему чай в эмалированную кружку, а сама, обжигаясь, стала прихлёбывать из жестяной крышечки термоса.

– Сладкий, – жмурясь, протянул Костя. – Как поцелуй.

И впришур посмотрел на Агату. Та сделала вид, что и не заметила, и не расслышала. За пирожками и немудрено: у неё, наверно, за ушами трещало. С картошкой были самые лучшие. Или всё-таки с мясом?

К концу трапезы остался один длинный пирожок и один большой красивый бутерброд.

– Давай поделим, – предложил Костя. – Сейчас разломаю...

– Так вон же у тебя нож, – кивнула Агата на рукоять, видневшуюся из его сумки.

– Это не такой нож, чтобы им что попало резать, – парень тут же спрятал рукоятку поглубже и разломил пирожок пополам.

Но с бутером было не всё так просто. Пришлось Агате лезть в свой рюкзак. В нём в боковом кармане она нашла свой любимый перочинный нож с белкой на роговой рукоятке. Аккуратно разрезав бутерброд, она торжественно передала парню половину. Он с полупоклоном протянул ей полпирожка.

– Преломление хлеба, – сказал с усмешкой.

– И совместное распитие, – приснула Агата в полупустую крышку от термоса. – Не боишься, что это всерьёз будет считаться за ритуал?

– А пора бояться? – с серьёзным лицом спросил Костя.

– Тебя не учили бояться незнакомцев, да? – Агата сделала страшную рожицу. – Рыжих, страшных незнакомых дядь и тётъ.

– Я сам рыжий, – хитро сказал Костя.

– Сочувствую, – засмеялась девушка. – Не знаю, как тебя, а меня в детстве дразнили.

– Рыжей-рыжей-конопатой? Или рыжей-бесстыжей? Ну, ты, может, заслужила.

– Тебе разве не доставалось?

– Немного, – уклончиво ответил парень.

– Хочешь, догадаюсь, зачем ты едешь в Ручейки? – спросила Агата. – Уже середина августа, уже все с летней практики домой возвращаются, так что ты точно не студент. Ну и вообще с учёбой это не связано...

– Вообще-то связано, – начал Костя.

– Не мешай, – она прищурилась, пытаясь разглядеть что-нибудь интересное в ауре парня: подсказку или знак. Но аура была ровная и похожая... на стену. Чёрт, да он, похоже, умел ставить защиту. – Тебе не больше двадцати пяти, скорее даже – двадцать три. У тебя модный рюкзак, но старые брюки. Тёмная рубашка, олимпийка... Ты учитель физкультуры! В деревню едешь немного заранее, чтобы обжиться. Да?

– А ты что, литературу едешь преподавать? Будешь детям рассказывать о детективах сэра Игнатиуса Ронана Дэйла?

– Такое даже на внеклассном чтении не читают, – с сожалением вздохнула Агата. – Но нет, я в командировку по служебному делу. Я защитник.

Костя прищурился, посмотрел на Агату каким-то странным, долгим взглядом, потом молча отвернулся к окну.

– Что? Вспомнил какой-нибудь особо ужасный детектив? – спросила девушка язвительно.

– Вспомнил, – сказал он. – Только не Ронан Дэйла, а Клариссу Мэллоун.

– Где взял? – жадно спросила Агата. – В нашей студенческой библиотеке её не сыщешь!

– Зато в нашей бывает, – ответил Костя словно бы нехотя.

– Ух ты, – оживилась девушка. – Слушай, когда сможешь раздобыть Клариссу Мэллоун, ну вот хоть что, любую книгу, позвони мне, я всего на пару дней у тебя возьму почитать. Ладно? Я быстро читаю!

– Я же буду в Ручейках, а библиотека останется где и была – там, в Краснокаменке, – напомнил Костя. – Забыла? Буду в школе: учителем физкультуры и заодно трудов.

– Ну и сиди там до пенсии, – огорчённо сказала Агата. – Как будто кого-то три часа на электричке сильно заботят. Как будто каникул не бывает. Как будто ты к своим ездить не будешь! И вообще!

– И вообще что? – спросил парень. – Я даже понятия не имею, есть ли в Ручейках телефон.

– Есть, конечно. У председателя и на почте. Иначе откуда бы нам позвонили, что...

Тут Агата осеклась.

– Что? – спросил Костя и вдруг посмотрел совсем уж пытливо, пристально.

Как инквизитор на допросе.

Девушке стало не по себе.

– Ничего, – ответила она.

Болтать как-то враз расхотелось, и она принялась глазеть в окно. И в итоге они доехали до Ручейков практически в полном молчании. Когда выходили, Костя понёс вместе со своими вещами и рюкзак Агаты, но она его потом молча забрала обратно. Даже не позволила помочь вскинуть рюкзак на спину.

Электричка уехала, на станции никого не осталось. Впрочем, село было недалеко, весь как на ладони просматривалось с дощатого перрона.

– У тебя есть где заночевать? – спросил Костя, идя рядом с Агатой по пылящей под кедами грунтовке.

Она только покачала головой.

– Найду! – сказала безнадёжно. – Поспрашиваю у родни или друзей той женщины, чьей защитницей я буду.

– А что значит «защитница»? – запоздало спросил Костя. – Адвокат?

– Примерно, – уклонилась от прямого ответа девушка. – Ну, то есть приблизительно.

– А я в местный клуб, – сказал парень. – Временно. Если не найдёшь, куда приткнуться, можешь пойти туда. У меня есть спальник!

– Хочешь сказать, что мы с тобой... в одном спальнике? – хохотнула Агата и с удовольствием отметила, что Костя покраснел. – Да нет уж, я как-нибудь без этого переживу. Лето на дворе, можно и на улице переночевать, на лавочке.

– Август, – многозначительно сказал Костя.

– Что – август?

– Ночи холодные. Долгие. Простудишься. А спальник я предлагал тебе в личное пользование. Без-воз-мезд-но. То есть даром!

– Понятно, – сказала Агата.

Дорога по обеим сторонам уже украсилась огородами, домишками, сараями да амбарами. Чуть поодаль высилась башенка элеватора.

– Красота, – без особого энтузиазма сказал Костя.

– Ну, пока, – попрощалась Агата, когда они дошли до центра деревни.

Тут был и клуб, и сельсовет, и сельпо с распахнутыми настежь рыжими дверями. Всё вокруг выглядело неплохо – улицы аккуратные, заборы крашенные, бродячие собаки не бегали с голодными глазами. От пруда ровным строем маршировали гуси, белые с оранжевыми носами, под предводительством огромного серого гусака.

«Как пионеры, – подумала Агата. – А серый – вожатый!»

Вожатый, будто осознавая важность своей миссии вести всегда готовых к какой-то цели – наверное, к кормушке! – повернул к ведьме голову и опасно зашипел.

– Цыть, – сказала Агата дурашливо и, оглядевшись по сторонам, убедилась, что никто не видит. А тогда достала из кармана небольшой травяной комочек и бросила гусаку.

«Скажи, где дом местной ведьмы!»

Он охотно поймал угощение и вытянул шею. Хлопнул крыльями и доложил:

– Га-галина Спивакова! Улица Прогресса, дом га-га!

– Какой дом?

– Га-га-два!

– Два или двадцать два?

– Га-га, – очевидно, всё-таки это был номер два.

– Спасибо, серенький.

– Го-гоша!

– Гогоша? Ну хорошо. А я Агата!

– Ага-гата! Агата! Ага-гата!

Гусю понравилось имя. Он повторял его снова и снова, ведя «пионеров» домой.

Щурясь на яркое солнце, девушка проводила жожака взглядом и пошла искать улицу Прогресса.

(Костя)

«Щенки». Так их называл Командор.

«Щенки» были, конечно, разные, кто спокойный, кто нервный. Случались брехливые и даже трусоватые. Но все они были зубастые ребята. Что называется, «палец в рот не клади».

Их учили слушать. Учили выполнять команды: от «голос» до «умри». Учили жить и умирать ради высшей цели. Они давали присягу под портретами Вождей.

Из щенков вырастали псы, которые с радостью служили стране.

Кто-то говорил, что страна доживает своё. Кто-то спорил, что ещё поживёт. В светлое будущее уже не шли строем, а пытались с опаской заглянуть поодиночке. Но Псы Вождей продолжали хватать за пятки тех, кто вредил людям. Как в старину, когда они звались Псами Господними.

Двадцатичетырёхлетний Константин «Векша» Белкин никак пока на пса не тянул. Да и не стремился. По правде, нравились ему больше всякие лисы и белки, да и лес он любил. В кружке по туризму всегда получал грамоты за достижения, особенно за спортивное ориентирование.

В лесу ещё водились ведьмы. Старые, не сказать – древние. Ещё царя Гороха небось помнили или самого Берендея. Со старыми вот и бывали проблемы! Молодых ведьм нарочно выискивали, вносили в специальные списки, воспитывали так, чтоб не вздумали вредить, а приносили бы только пользу. Они вырастали и служили человечеству. Многих ведьм вербовали для внешней разведки, ну а что? У них было полно талантов! Но старые – другое дело.

Добро бы они были ведуньи и знахарки. Так ведь нет, могли по старинке и порчу навести, и болезнь какую-нибудь наслать. Говорят, в позапрошлом году ведьма-диверсантка, ставшая восьмью лет от роду, колодец отравила, а при поимке устроила такой катаклизм, что три опытных инквизитора едва не погибли. Чудом спаслись.

К такой вот ведьме, из старых, хотя и не из таких опасных, в село Ручейки и направили Костю: «щенка», получившего первое задание.

Жалобы на пришлую ведьму приходили из Ручейков неоднократно, но сначала ведьма не причиняла односельчанам особого вреда. Поселилась на окраине, привела в порядок домишко, приторговывала целебными травками и зеленью со своего огорода. Жаловались на неё в основном пожилые женщины, которым «не помогло», да ещё местный поп. Всё ему не нравилось в приезжей женщине. Инквизиторам он писал старательно, почти без ошибок, причём столько, что ведьмину биографию можно было по его запискам изучать.

К примеру, выяснил он, что раньше женщина жила в Подсолье и в Малых Курочках, а потом переехала в соседнее с Ручейками село и уже оттуда перекочевала в соседки к Бажановой Ксении и Николаю Алтыну. И что тот Алтын сразу заподозрил недоброе, тем более, что у него дочка на выданье, а у ведьмы глаз дурной, чёрный. Писал батюшка вдохновенно, литературный стиль ему был не чужд. «В тридцать седьмом письме хочу живописать новое преступление ведьмы Галины С. против народа и религии. Прошла она дворами за часовню, да и выплеснула там свои помои, при этом зловеще хохоча и поводя глазами чёрными, и кто встречался с нею взглядом – тот бежал прочь, опасаясь порчи и сглаза. Только в церкви и видели своё спасение!»

«А в церкви нынче тоже беспокойно стало, будто кто-то святые стены ея осквернил. Пришлось ехать в райцентр Раево за святою водою, потому что нашу я уже всю супротив Галины С. извёл!»

«В сороковом письме сообщаю, что Игорь Лопаткин выдернул из грядки молодую морковь, обтёр её полой да съел, а после выпил ведьмина отвара от поноса. Да так это ведьмовское зелье на него подействовало, что аж кишки чуть не выпростал из себя. Три дня несло Лопаткина. На четвёртый увезли в райцентр, в больницу»

Дурной глаз и расстройство кишечника якобы из-за противопоносного травяного сбора – это, знаете ли, не то, ради чего надо отправлять в Ручейки дознанца. Молодой немойтой морковью прямо из земли можно и целую роту солдат обрадовать так, что по всей части треск и зловоние будет неделю стоять. Над письмами и попом, да другими деревенскими в отделе следственном смеялись, а новые доносы читали со смехом. Зачитывались всем отделом расследований, а то и всем районным инквизиторским судом. Каждого нового письма ждали с нетерпением.

И дождались.

«В сорок седьмом письме довожу до вашего сведения, что произошла в Ручейках страшная история. Дочь Николая Алтына, Алёна Алтын, встала ночью воды попить. И вдруг смотрит: на окне сидит кошка. Окно-то тюлью было затянуто, да и кошки в доме Алтынов не водилось. Однако сидела кошка, чёрная, большая, и смотрела, а глаза светились. Испугалась наша Алёнушка, вздрогнула, да ковшик в кошку бросила. Гром, звон поднялся, ковшик-то тяжёлый был, эмалированный. Только вот кошка та не убежала прочь, а спрыгнула с подоконника и на девушку бросилась, оцарапала ей ноги. Закричала тут Алёна, принялась от животного отбиваться, а у той глаза знай горят нехорошим светом, алым, бесовским.

На крики тут прибежал сам Николай с ружьём, выстрелил и в кошку попал. Она в окно выскочила, через улицу побежала к дому ведьмы Галины, и Алёна с Николаем видели, что на заднюю правую лапу сильно хромала. Утром же увидели в сельпо ведьму в юбке вместо городских её брюк, хромающую на правую ногу. «А что это вы, соседushка, хромаете?» – спросил Николай Алтын. «Цыплят кипятком шпарила да вот на ногу плеснула», – ответила Галина и юбку приподняла, а правая нога-то у неё была вся забинтованная от щиколотки до колена. Разве возможно так на ногу плеснуть?»

– Гоголя бы ему на ночь поменьше читать, – сказал с удивлением Костя Векша, когда письмо было дочитано.

– При чём тут Гоголь? – сердито сказал Командор. – Гоголь, он когда жил?

– Да ведь чисто по «Вечерам на хуторе» письма. В позапрошлый раз у него ведьма разрешила красную олимпийку и везде подсовывала лоскуты, а в клубе пошли рассказы страшные. В прошлый ведьма беса вызвала и с ним предавалась любовным утехам. Это сколько там ей лет? Семьдесят? То есть она оного какая бабуля, если беса соблазнила, – Костя достал пачку писем, штук пятнадцать, и стал их перебирать. – А в сегодняшнем, глядите, кошку они ранили и утром ведьму якобы с такой же раной увидали. Так что поп в Ручейках почитать очень любит. На ночь. Как сказки Гоголя кончатся, он за другие возьмётся. Может, предложить ему Грэма Спекера? Глядишь, с ведьм на вампиров переключится.

– Вот поезжай и предложи, – буркнул Командор. – А заодно проверь, что там на самом деле за ведьма, потому что старая школа – это старая школа, тут надо ухо держать востро. И слушай, вот тебе на всякий случай кинжал инквизитора и звезда.

– Ого! Щенку – и вдруг звезда? – высказался кто-то из ребят – из тех, кто позубастее Векши.

– Он закончил курс обучения, как и вы все, – сказал Командор. – Пора браться за серьёзную работу.

Вот Костя Белкин и поехал в Ручейки.

И с первых минут поездки уже показал (сам себе и миру) свою профнепригодность.

То, что он сходу без магинвентаря не распознал в симпатичной девчонке ведьму, Костя себе простить никак не мог. А ведьмы – это...

Любой, даже в шутку сотворённый ритуал, любое слово из околوماгических, вроде «спасибо» или «здравствуйте», в общем, всякая в общем-то мелочь у ведьм идёт в дело. Становится настоящим. Превращается в инструмент. Трава, которую человек топтал ногами, дерево, у которого он сидел, записка, даже простой волос или перхоть на одежде – ведьма всё тащит

в свой котёл. И хотя в небольшом брезентовом рюкзаке рыжей Агаты вряд ли нашёлся бы и простой походный котелок, Костя огорчился. Не из-за котелка, конечно. А из-за себя.

Он не был бдителен. Он опростоволосился. Он преломил с ведьмой хлеб, между прочим, а это бытовой ритуал повышенной важности. Теперь Костя ничего не мог сделать против ведьмы.

Утешало только, что и она ничего против него не могла.

Но до чего же симпатичной оказалась эта ведьма! Костя дошёл уже до клуба, а улыбка всё не покидала его лица, несмотря на то, что он изрядно навалил сегодня дурака.

Агата. Красивое, между прочим, имя. У писательницы детективов Клариссы Мэллоун второе имя было «Агата». Так вот и звали её, длинно и сложно: Кларисса Агата Мэллоун. И читать любит, да ещё детективы! А ещё, по-видимому, девушка была таким же «щенком», как сам Костя Белкин. Видно, что по своему заданию ехала впервые. Выдала себя перед первым встречным, сказав, что является защитницей...

И Костя вдруг решил для себя, что завтра под любым предлогом хорошо будет отыскать в деревне ведьму Агату и пригласить погулять. Инквизиторы не должны были завязывать с ведьмами серьёзных отношений, это было не принято. Сотрудничество одобрялось: ведьма может стать ценным информатором и даже быть консультантом в отделе расследований. И влюбляться никто не запрещал в этих ведьм. Но, как иногда мрачно шутил командор, «после всё равно сжечь!» В смысле, конечно, не физически, а порвать отношения. «Щенкам» ещё не приходилось жечь мосты. Но присягая, они были готовы и к этому.

Однако взвешивая все риски, все за и против, Костя думал, что и до «сжечь» дело просто не дойдёт. Погулять, может быть, искупаться в речке – здесь ведь есть речка, да? Поговорить о книгах.

Дальше его планы в отношении ведьмы Агаты как-то и не заходили, хоть и мечталось о чём-то, пока довольно смутном.

ГЛАВА 2. Деревенька

(Костя)

Сельский клуб стоял запертым на амбарный замок. На крыльце – толстый слой пыли без единого следа. Костя окинул взглядом запущенный палисадник, из которого пёрли ветви черёмухи, усыпанные поспевшими ягодами. Впритык к выкрашенной синей краской одноэтажке стоял его гордый сосед – двухэтажный дом с просторным крыльцом и двустворчатой дверью. На крыльце лежал тряпичный половичок, а ступени были только что вымыты и ещё блестели от воды. Костя поднялся по трём ступенькам и окинул взглядом таблички: исполком сельского совета, библиотека, участковый инспектор МВД... Пока изучал – на крыльцо вышла молодая, полнотелая девушка в сером халате поверх пестрого платьяца и в калошах на босу ногу. Перекинула через перила крыльца оцинкованное ведро и выплеснула грязную воду на давно отцветшие кусты сирени.

– З-здравствуйте, – слегка опешив от размашистых движений раскрасневшейся девахи, сказал Костя. – А кто тут главный?

– Если по уборке, то определённо я, – усмехнулась девушка. – Зоя Стрельцова, зампредседателя сельсовета. А больше, считай, сегодня никого и не дождётесь. Председатель уехал в райцентр, бухгалтер в отгуле по делам огородным, хотя можно и позвать. А вы чего хотели?

– Я приезжий, по поводу...

– Что приезжий – это и так видно, – Зоя обтёрла руки о полы халата, затем рукавом вытерла вспотевший лоб, к которому пристали завитки выгоревших на солнце русых волос.

– Константин Белкин меня зовут. От вашего села поступали в город сигналы по поводу ведьмы, – начал Костя. – Приехал разбираться.

– Какая ведьма? Которая гадалка или которая травница? – уточнила Зоя. – Вообще я в эти их штучки не верю, в сглазы-порчи-заговоры. Но ведьм у нас тут две.

– Как две? – нахмурился Костя. – По спискам ведьма проходит одна, так что и сдавать мне её надо одну.

– Куда сдавать? На склад или в овощехранилище? – пошутила Зоя. – Вы, товарищ по поводу ведьмы, по какому такому сигналу к нам приехали? Кто вам писал?

– Писали нам разные люди, в частности, Серапионов Алексей Дормидонтович, Бажанова Ксения, Алтын Николай и несколько анонимов.

– Так вот Бажанова, баба Ксения, та самая ведьма и есть. Гадает она, а ещё, говорят, у неё чёрная кошка живёт, – сказала Зоя. – Серапионов – это наш поп, уж если его рассказам верить, так это можно сразу сборником издавать: «Байки и рассказы села Ручейки». А у дядь Коли с новой соседкой не заладилось, вот он на неё, небось, и начал докладывать куда надо и куда не надо.

– И на кого докладывает, на кого? – уже порядком устав и с дороги, и от этого нудного разговора, спросил Костя.

– Да на Галину Спивакову, – с досадой, что приезжий никак и ничего не возьмёт в толк, сказала Зоя. – А что с нею разбираться? Она пенсионерка, бывший провизор, между прочим. И ведьмой её, заметьте, считают Алтын и батюшка.

– А, это которая травница? – уточнил Костя.

– Фитотерапевт называется, – блеснула эрудицией девушка. – И то, что она двадцать пять лет в аптеке трудилась, между прочим, даёт нам всем гарантию, что она никого не отравит.

– Или наоборот, отравит, да так, что никто на неё не подумает, – поморщился Костя. – Ладно. Давайте адреса. И той, и этой давайте.

– У вас по спискам ведьма проходит одна, так что и адрес могу дать только один, – сказала голосом записной вредины Зоя. – Ладно, шучу. Удостоверение покажите-ка. А то участковый-то у нас...

– Тоже по делам огородным? – спросил Белкин, доставая бордовую с золотом «корочку» инквизитора.

– Нет, не угадали. В райцентре, – засмеялась девушка. – Дело о нападении открывать поехал. Пока батюшка местный воду мутит – то насчёт ведьм, то насчёт нечисти... Вот пока он воду мутит, участковый работает.

– То есть на девушку правда напали? – сделал охотничью стойку Костя.

– Дело тёмное, – пожав плечами, ответила Зоя, – но Ваня разберётся. Он у нас мозговитый.

То, с каким теплом и любовью она назвала участкового инспектора по имени, давало определённую пищу для размышлений. Но Костя особо размышлять на эту тему не стал. У него были другие поводы для раздумий.

– Ну, пока участковый работает, я тоже поработаю. Только вот вопрос: я ведь задержусь тут на пару дней, где заночевать можно? Клуб, я смотрю, стоит закрытый, общества туристов здесь, похоже, нет.

– Клуб будет до субботы закрытый, – поведала Зоя. – Приходите, кстати, кино будет новое, «Усмирение своенравного».

Кино было новым несколько месяцев назад, но тут его ещё явно не видали. Белкин умничать не стал, чтобы не получить мокрой тряпкой, а спросил, где же ему в таком случае жить.

– Вот кто вас вызывал, тот пускай о вашем проживании и заботится, – усмехнулась Зоя. – Ну, или к бабе Ксене стучитесь.

– С чувством юмора у вас, как я погляжу, всё прекрасно, – сказал Костя.

– В человеке всё должно быть прекрасно, – ответила девушка. – И я тому подтверждение!

Сняла рабочий халат, обнажив полные плечи под платьем без рукавов. Повесила халат на перила, а тряпку постелила на первую ступеньку крыльца. Потянулась и ушла в свою контору. Костя почесал нос. Баул оттягивал плечо, рюкзачок, похоже, немного перекосился. Жара донимала не слишком, но всё же хотелось и умыться, и немного расслабиться перед тем, как заниматься делом.

Интересно, как там дела у ведьмы Агаты? Устроилась?

(Агата)

Улица Прогресса поражала буйными зарослями репьев, крапивы и прочего бурьяна. Среди всего этого поистине тропического великолепия торчали крыши домов. По левую руку два и по правую два – вот и вся улица. Ну и огороды ещё там, сады-палисадники. Возле одного задумчиво бродили куры. Возле калитки с номером два на синем почтовом ящике росли вишни, так густо посаженные ягодами, что листву едва видно было.

Агата постучалась, потом покричала, но никто не откликнулся. Куда, интересно, могло понести пенсионерку с богатым ведьминским прошлым? Гадать по чужим домам? Так разгар рабочего дня, все заняты. Кто в полях, кто в огородах, кто на ферме – каждый небось при деле. Девушка огляделась по сторонам и решительно зашагала к дому номер четыре. Тут росли подсолнухи, сонно колыхали головками желтые и розовые мальвы, цвёл рыжий лилейник в тени забора.

– Соседи! Эй, соседи! – крикнула Агата, не надеясь, впрочем, что её услышат.

Но к калитке с той стороны почти сразу подскочила пожилая женщина. Была она сухощавая, мосластая, в белом платочке. Светлое платье в синий горошек, старенькое, явно было надето для работы. Старушка отворила калитку и сказала:

– Проходи, не стой, варенье я затеяла, выкипает. Ну? Иди за мной, на заднем дворе летняя кухня. Водички попью и приду.

Удивляясь, но не задавая лишних вопросов, Агата обогнула сруб, обшитый досками, крашеными в голубой цвет. Здесь под навесом стояла плита на газовом баллоне, а на плите пузырилось розовым какое-то варево. Пахло вареньем – вишнёвым, светло-розовая пенка по краям манила ос и молодых ведьм, из которых одна как раз потянулась за ложкой. К плите приткнулся уютный столик – там ложка и нашлась, на тарелке с выщербленным краем, полной ароматной пенки.

Мама такие пенки презирала и всегда спешила варенье перемешать, топя это великолепие в сиропе, а вот бабушка обожала пенку, и её любовь передалась Агате. Девушка собрала розовую пену поближе к краю таза, аккуратно её сняла и переложила на тарелку. На ложку села тёмно-золотая пчела, испачкала лапки – да и прилипла. Агата пошептала на неё и тихонько подула.

– Жпажииибо, – прожужжала освобождённая из сладкого липкого плена пчела и улетела.

– На жениха гадаем? – спросила за спиной пожилая соседка Га-Галины, и Агата едва не выронила ложку. – Тогда гляди в варенье, не отрываясь, только не мешай ничего. Не бойся, не пригорит.

Девушка хотела сказать, что пришла не к соседке и не за женихами, но соблазн был велик. И она посмотрела. Тёмная вишнёвая масса с выпуклыми глянцевыми шариками ягод слабо кипела на огне, и в каждом шарике Агата видела только своё отражение. Рыжие волосы, острый носик, любопытные глаза.

Хотя постойте-ка... И глаза не её, и волосы, хоть рыжие, а сильно короче, и нос вдруг как-то удлинился, на переносице появилась маленькая горбинка.

– Да ну, это так себе гадание, – сказала Агата со смехом. – Просто сегодняшний попутчик, в электричке ехали.

Но тут что-то блеснуло, и девушка ахнула. По каждой ягодке пробежалась искра, и стало видно, что на голове попутчика появилась форменная фуражка с золотой звёздочкой, а на груди – сверкающая бляха. И вдруг все эти крошечные отражения в вишнях слились воедино, и во всю поверхность тазика появилось очень серьёзное и, нельзя не признать, красивое лицо.

Звёздочка и бляха в виде костра заставили Агату покрыться мурашками и отскочить от тазика, и ложку она бросила прямо на землю.

– Инквизитор, – испуганно сказала девушка. – Никакой это не жених, это пёс-инквизитор! Ну, Костя, ну ты...

– Вот тебе и попутчик, – удивлённо протянула старушка.

– Да я, собственно, и не за этим приехала, не гадать на женихов, – опомнилась Агата. – Я по поводу вызова защитника для ведьмы. Вот разобраться не могу, к кому и зачем меня вызвали. На селе местной ведьмой числится некая гадалка Ксения Бажанова...

– Я это, – вставила, кивая, старушка. – Я и есть гадалка баб Ксения.

– Хорошо, но... уже здесь мне сказали, что здешнюю ведьму зовут Га-гали... Кхм... Галина Спивакова. Соседка ваша, похоже.

– И тут всё верно! Соседка моя – ведьма не местная, приехала, как говорит, на пару лет перекантоваться. А вызывала защитника я, только не знала, что такую пигалицу пришлют.

– У меня есть диплом и все права на защиту, – с достоинством ответила Агата. – Так что у вас произошло-то?

– А уже и ничего, выходит, зря я тебя позвала, – сказала баб Ксения. – Другой-то наш сосед, Колька Алтын, и дочка его Алёнка, на той неделе шум подняли, будто ведьма в их дом пробралась и на Алёнку напала. Мне-то показалось, что ни при чём тут Галина, не её это дело – по избушкам лазить и девок пугать. Но поскольку сбежала она, так, видать, дело всё же нечисто.

– Расскажите поподробнее, – сказала Агата, садясь в тени навеса на низенькую скамеечку, нагретую солнцем.

Баб Ксения выключила огонь под тазиком, приставила к скамеечке столик с тарелкой, полной пенек, и пообещала:

– Сейчас чаю принесу – и расскажу.

Агата вздохнула, поняв, что придётся опять-таки сидеть и ждать, пока будет чай и рассказ. Пенки манили! Ну, а раз к ней придвинули столик, то можно попробовать хотя бы с краешку. Вкус был просто невероятный. Фантастический вкус.

Но насладиться девушке не дали. Только зачерпнула она пенку уже вымытой ложкой, как от калитки вразвалочку прибежал давешний Гогоша и сказал:

– Ага-гата!

– Вот тебе тут делать нечего, – удивлённо сказала Агата. – Да и сухозелье уже не должно работать!

– Агата! С Га-галиной беда!

– Что такое с Га-га... тьфу. Что случилось?

– Га-га-гадость, – доложил Гогоша. – Пойдём покажу!

– Да там нет никого, и калитка заперта, – неуверенно сказала девушка. – Соседка вот говорит, что уехала Га-галина, сбежала!

– Пойдём, проведу, – предложил гусь.

И подробностей от баб Ксени хотелось, и понять, куда её зазывает Гогоша, тоже. Очень хотелось! Тьфу, но не разорваться же! Агата тайком скрутила из пальцев двойную фигу, чтобы дурная мысль не натворила дел – разорвать, понятное дело, её не разорвёт, а вот связки на таком потянуть можно. Или ногу подвернуть. Бывали случаи.

– Кстати, как так получилось, что ты говорить-то не научился, Гогоша? – спросила Агата.

– Ага-гата! – захлопал крыльями серый гусак. – Бего-гом!

– Ты ещё и командуешь?! – возмутилась Агата.

Гусь решил, что хватит время на болтовню тратить, и, тяжелою перепархивая, повёл девушку тропкой через огород. Нагретые на солнце влажные грядки приятно пахли землёй. Помидоры, подвязанные к кольям тряпицами, тоже пахли, хоть и были по большей части ещё незрелые. Буйно пёрла отовсюду всяческая ботва: Агата, хоть и была городской ведьмой, а ботанику изучала в том числе и на станции юных натуралистов. Там летнюю практику проходили как раз на огородах. Поэтому девушка уверенно опознала и морковь, и репу, и свеклу. Но были и какие-то незнакомые листики.

– Быстрее, Ага-гата! – поторопил гусь, заметив, что ведьма замедлилась, пытаясь угадать, что это такое растёт посреди грядок. – Лебеда – не лебедь, никуда не улетит!

– Ого, как ты хорошо заговорил, – слегка нахмурилась Агата, поспешая за ним. – Ты, случайно, не решил стать моим фамилльяром? Я тебя в город не потащу!

– Зря, – обиженно ответил гусь. – Я бы тебя в обиду бы не га-га, не дал!

– В городе гусей держать нельзя, да и негде.

– Зря, – повторил Гогоша.

Агата, кряхтя, перелезла через завалившийся в бурьян забор. Сад Галины был запущенный и пышный, переспелой вишни видимо-невидимо, яблони сгибались от обилия плодов, черноплодная рябина и загорело-бордовый крыжовник лезли отовсюду. Где-то истошно завопили дрозды-рябинники, предупреждая, что в их владения лезет чужой.

– Будь я местным мальчишкой, уже обобрала бы тут всё, – заметила Агата, срывая с низко нависшей ветки несколько ягод вишни.

– Га-галина не гоняла. Сами боятся, – ответил гусь.

Девушка думала, что Гогоша поведёт её к дому, но тот уверенно шлёпал по тропинке через заросли вишни и черноплодки. Чуть ниже отыскался ручеёк, вросшая в землю железная бочка со стоячей водой и странный огород. Странный, потому что ухоженный, но вместо огурцов и репы тут росли травы. Некоторые из них Агата видела только в книгах, а потому сразу потянулась сорвать стебелёк-другой, чтобы разглядеть и понюхать.

– Не трога-гала бы без надобности, – проворчал Гогоша.

У дальнего забора он остановился и, вытянув шею, принялся раздвигать траву. Здесь всё заросло без порядка, хотя Агата и видела целебные травы, которые не было надобности выращивать, знай бери из-под ног. Зверобой, уже отцветающий, полынь, пижма, тысячелистник и всякое такое...

Только сезон их сбора давно прошёл. Заваривать их можно было разве что на чай, для вкуса и самоуспокоения, что принимаешь лекарственные сборы.

– Ага-гата, – напомнил о себе гусь, – сюда.

Девушка увидела в траве под забором что-то довольно большое, серое, похожее на пыльный клоч больших перьев.

ГЛАВА 3. Дом, гусь и сова

(Костя)

Калитка оказалась закрыта изнутри на деревянную щеколду и дополнительно на верёвочную петлю. Всё это, конечно, никак не могло задержать инквизитора при исполнении.

Дом Галины Спиваковой и вовсе не был заперт. Дверь нараспашку, внутри запах старого дерева и какой-то сухой травы. Костя оставил баул и рюкзак в траве у крылечка и вошёл в дом.

Убранство богатством не поражало. Кухня с печкой да комната, где стояли две железные кровати, на одной из которых кучей валялось всякое барахло. В углу приткнулся старый-престарый шкаф со стеклянным окошком на дверце. Всегда Костю интересовало, зачем там окошко? Чтобы бельё изнутри могло наблюдать за хозяйкой, что ли?

– Э, хозяева, – окликнул инквизитор, распахнув олимпийку, чтобы звезда была на виду.

– Есть кто?

Но в доме было пусто, даже в подполе, куда он заглянул. Ничто не указывало на то, что тут в ближайшие пару дней кто-то жил. В хлебнице лежал чёрствый кусок хлеба, в пузатом низеньком холодильнике превращалось в простоквашу молоко. Печь давно не топили, и только на плите стоял двухконфорочный керогаз, которым, видимо, пользовалась ведьма, чтобы не возиться с дровами. Костя сунулся к форсункам, но керосином пахло слабо.

Парень вышел из избы и задумчиво огляделся. Обошёл дом кругом, сам не зная зачем. Ведь если нет ведьмы, то она, вернее всего, куда-то уехала или даже сбежала. Надо зайти к этому соседу, Алтыну, узнать, что там такое произошло между Спиваковой и его дочкой на выданье. Но не успел инквизитор повернуть назад к калитке, как услышал, как кто-то, всхлипывая, ломится сквозь заросли кустов. Вишни и яблони качались, роняя яркие плоды. Костя напрягся, готовый выхватить оружие, но оно не понадобилось. На тропинку возле дома выскочила ни кто иная, как ведьма Агата, а с нею почему-то серый гусь.

Увидев Костю, девушка сначала бросилась к нему, будто хотела обнять, но затем остановилась и даже отступила на шаг. Он даже не сразу понял, почему. А поняв, прикрыл рукой звезду инквизитора на груди. Ему показалось, будто язычки пламени стали настоящими и обожгли ладонь. Значок порой нагревался при опасности, но Агата вряд ли была так уж опасна... Или нет?

– Прежде чем начнёшь меня проклинять, скажи, чего испугалась, – предложил Костя. – Надеюсь, не мёртвой ведьмы?

Агата принялась мотать головой, так что рыжие волосы выбились из хвоста на затылке.

– Ты инквизитор? – шмыгнув носом, спросила девушка.

– Ну да, а что? Это что-то меняет?

– Я ведьма, – сказала она.

– Я уже заметил, – пожал плечами Костя.

– Ты мне враг, – повысила голос девушка.

Костя только развёл руками.

– От чего и куда ты бежала? – спросил он уже совсем другим тоном.

Его строгость заставила Агату выпрямиться и вытереть заплаканное лицо.

– У меня две новости для тебя, инквизитор, – сказала она. – Во-первых, ведьму, за которой ты приехал, пока не достать. Во-вторых, я служу ковену ведьм и просто так тебе не сдамся.

– Ты в законе, успокойся, – сказал Костя, – я тебя о чём спрашивал-то? Кто тебя так напугал? Или что? Пойдём, я с ним разберусь по-нашему. Сильно обидел?

– Кто обидел? – как-то даже снисходительно, что ли, спросила Агата. – Кто, по-твоему, рискнёт? Я же ведьма.

– А чего ты тогда тут через кусты ломишься, как плачущий лось?

– А может, мне нравится изображать плачущих лосей?

Гусь посмотрел на них по очереди, сделал какие-то свои гусиные выводы и принялся мирно щипать травку возле тропинки.

– Ладно, – погрузнев, сказал Костя, – видимо, придётся завтра уезжать ни с чем.

С этими словами он сел на тёплую землю, положив руки на согнутые колени. Хорошо тут было, и, несмотря ни на что, спокойно. Ведьма неожиданно уселась рядом. Сказала:

– А я не могу. Мне теперь придётся выяснять, кто убил сову.

– Сову?

– У ведьм часто есть животные-помощники. На самом деле в них заключена часть ведьминога духа. Мы... Ну, то есть, ведьмы сами по себе ни в кого не превращаются, а берут тело помощника.

– Тааак, – протянул Костя, – мы, кажется, это проходили.

– Да неужели? – ехидно спросила Агата.

– Ну да. Но тогда была теория, а на практике я пока не это, – тут он сбился и покосился на девушку, – практика у меня пока не очень. Это моё первое задание.

– Моё тоже, – со вздохом призналась Агата. – И что? Ты вот так просто, не разобравшись, уедешь?

– Мне и не надо было разбираться в том, кто убил помощника ведьмы, – пожал плечами инквизитор. – На участке оказалась лишняя ведьма: здесь зарегистрирована была только одна, гадалка Ксения Бажанова, а теперь выясняется, что ещё и Галина какая-то проживает. Да не просто проживает, а становится кошкой и вредит. Я приехал проверить. Но лишней ведьмы нет, даже на птичьих правах нет, могу уезжать.

– Вот именно что на птичьих, – сказала Агата. – Я тоже не сразу разобралась, кто тут ведьма, кроме меня, конечно. Слушай, – тут она неожиданно толкнула инквизитора плечом, – а ведь это похоже на начало детектива. Скажи?!

– Искать пропавшую ведьму?

– Да ты, похоже, на одни двойки учился, – возмутилась Агата. – Я тебе о чём уже полчаса толкую, малахольный ты мой? Убита ведьмина сова.

– Ну и что? – спросил Костя, уязвлённый её словами.

– Мне надо осмотреть тело совы как следует, но по всему – убили её тогда, когда телом пользовалась ведьма.

– Га-га, – заинтересованно поднял голову гусь.

– Да, Гогоша, Га-галина, – с улыбкой сказала девушка и погладила гуся по крылу.

– Ты чего, не знаешь, как гуси больно щиплются? – опешил Константин.

– Я тебя учу, как ведьм арестовывать? – спросила Агата. – Ну вот и ты меня не учи, как с животными ладить. Лучше тебя знаю! Пошли обратно к сове, принесём её сюда и как следует осмотрим.

Сова была большая, серая, с остекленевшими чёрными, будто ночь, глазами. Клюв с желтовато-серой восковицей был приоткрыт, крылья уже зачленели и не хотели складываться. Костя взял птицу в охапку и потащил к дому.

– Это серая неясеть, – поясняла Агата, идя следом. – Вообще ведьма может сделать помощником любую птицу или любого зверя, но совы и кошки – это классика жанра.

– Га-га, – напомнил о себе гусак, как привязанный, ходящий за девушкой.

– А вот гусей ещё никто фамильярами не делал, – повернулась к нему Агата. – Не надейся!

– Фамильярами? – уцепился за знакомое слово Костя. – Это же духи-помощники же, да?

– Э нет, дух тебе мало чем поможет, если ты ведьма. А вот животное – другое же дело, – уверенно сказала Агата.

– И чем помогла эта сова?

– Жизнь ведьме спасла. Только...

– Что «только»? – прицепился Костя.

– Только в случае, если ведьма находилась в теле фамильяра, её человеческое тело может того, развоплотиться.

– Совсем?

– Нет, не совсем, а где-то на несколько дней – зависит всё от фазы луны. Сейчас у нас тринадцатый лунный день, луна растущая, значит, не раньше пятнадцатого или шестнадцатого лунного дня на рассвете надо провести обряд, и она вернётся.

Тут девушка вздохнула, словно впервые что-то осознала.

– То есть я тут как минимум на три дня. Ну и ты заодно, если, конечно, к этой ведьме приехал.

Костя, дойдя до крыльца, положил сову на нагретые солнцем доски и пожал плечами. Надо было как-то свыкнуться с мыслью, что он завтра не поедет обратно, а останется в Ручейках.

– Зато будет время опросить население, – сказал он. – Пострадавшую Алёну Алтын, её отца, и служителя церкви, раз они нам сигнализировали... Соседку ту же.

Агата встала на колени возле совы и стала копаться в пыльных перьях.

– Дробью жажнули, – сказала она с досадой. – И да, если сова ещё окоченелая, то убили её где-то этой ночью или даже утром.

Костя сел на единственную ступеньку, отколупнул с неё чешуйку коричневой краски.

– В селе две ведьмы, если тебя не считать, – сказал он. – Вторая – соседка этой, убитой.

– Она не убита, а развоплощена, и я возьму на себя ответственность за её возвращение, если, конечно, ты на меня не наденешь наручники и не повезёшь на костёр.

– За что же? – изумлённо выговорил Костя.

– За несанкционированный ведьмовской обряд?

– Ну я это... у меня до шестого уровня бирка, могу и санкционировать. Но ты всё-таки знаешь... Не демонизируй-ка мой отдел, поняла? Я о ведьмах вот ещё ни разу плохо не сказал, а ты уже мне тут наговорила! А я вообще о другом хотел.

– Ох, – язвительно сказала Агата, осторожно переворачивая неясить на живот. – Ну говори... о другом.

– В селе две ведьмы. Эта, судя по всему, травница, а та гадалка. Кому из них надо нападать на молодую девушку на выданье? Ночью, в виде чёрной кошки.

– Ну точно не Галине, – ответила девушка, указывая на сову. – Ты же видишь. Галина пользовалась телом совы.

– Она сто процентов не могла стать чёрной кошкой?

Гусь, который всё торчал тут, пасся среди травки, вдруг загоготал так, словно смеялся. Усмехнулась и ведьма, причем, какой-то взрослой женской усмешкой, словно ей лет сорок, а не сколько ей там? Двадцать три?

– Костик, – с неожиданной нежностью сказала Агата. – Если ведьма становится совой – она и на девиц на выданье нападает совой, и по делам в соседнюю деревню летает совой, и даже, прикинь, с другими ведьмами может общаться именно совой. Кошкой она – сто процентов! – не станет. Потому что для этого ей нужно единение, Костя, единение с КОШКОЙ. А это, блин, СОВА!

– «Прикинь», «блин», – поморщился инквизитор. – Ты же не пятиклашка-двоечница, так выражаться. Где понабралась?

– От братца младшего, – насупилась ведьма. – А что?

– Родной язык коверкаешь, – сказал Костя.

– Зануда, – Агата ещё и язык показала, подтверждая, что она личность незрелая и отчасти даже хулиганская.

– Что с ведьмы взять? – вырвалось у Кости.

– Буду рада, если всё останется при мне! – отбрила Агата. – Ладно, чего сидеть. Ты с вещами, я смотрю? Мой рюкзак остался у баб Ксени, это та самая гадалка. Сейчас его заберу, бросим вещи тут – и пойдём.

– Куда?

– Опрашивать свидетелей, – девушка подошла, нагнулась над сидящим инквизитором и хлопнула его по плечу. – И потерпевших. И кого там ещё найдём. Кстати! Нам в электричке сказали, что тут ещё и студенты где-то хулиганят...

– Студенты-то при чём?

– Ну вот вернутся вечером с практики, и узнаем. Они небось вечером по всему селу шляются – вдруг чего видели?

– Кстати, а где их, интересно, поселили? Клуб закрыт, – задумчиво сказал Костя, которого по-прежнему волновал вопрос проживания.

– Где-нибудь в бараке возле овощебазы или элеватора, – пожал плечами Агата. – Что не мешает им ошиваться там, где можно пожить. Нарвать вишни бесплатно, например, – тут она посмотрела на кусты и деревья, в изобилии окружавшие домик. – Соседка вон вишнёвое варенье варит, между прочим. А у самой ни одного деревца. Обирает Галину.

Костя сказал:

– Я бы на студентов не рассчитывал. Соседи же пока не пришли со своих полей или где они там. Жаль, я бы начал именно с пострадавших, с Алёны Алтын...

– Точно, – подхватила Агата. – Но пока она вне досягаемости. Есть баб Ксения и...

– И есть священник, – сказал Костя. – С них и начнём!

– Гогоша, – девушка посмотрела на гуся, – как считаешь, с кого лучше начать?

Костя, конечно, не ожидал, что гусак ответит. Но тот посмотрел, повернув голову, и, раскрыв клюв, разразился целой речью.

– Баб Ксения, говорит, скоро сама придёт, а у попа особых дел нет. Идём, значит, в церковь – заодно ознакомимся с местной достопримечательностью.

– Это всё тебе гусь рассказал? – деловито уточнил Костя.

– А что? Не веришь?

– Почему, вполне верю, хотя, конечно...

– Хотя конечно – что?

– Хотя, конечно, свидетельские показания гуся к делу не пришьёшь, – пожал плечами инквизитор. – Ладно, пошли. В церковь так в церковь!

ГЛАВА 4. Алексей Дормидонтович

(Агата)

Не успели они сложить вещи в доме Галины и выйти за калитку, как на них выскочила встрёпанная соседка баб Ксения. В руке она за лямки держала Агатин рюкзак.

– А я тебя потеряла, – обратилась старушка к Агате.

И осеклась, увидев Костю.

– Так это он, вишнёвый, – сказала удивлённо. – Так быстро ещё не сбывалось! Ты, парень, что же, арестовывать её приехал... Или как?

– Здравствуйте, – голосом примерного ученика и отличника сказал Костя. – Никого я пока арестовывать не буду. Я по делу Галины Спиваковой приехал, да вот нет её...

– Пока нет, – вставила Агата почти ревниво, забирая из рук баб Ксени рюкзак.

– Ну да, ну да, говорю ж – набезобразничала да сбежала, – закивала гадалка. – Наше ведьмино дело позорит!

– Так это вы свидетельница по делу, – как-то нехорошо обрадовался Костя и вытащил из кармана брюк бордовую «корочку» с золотом.

А из неё достал золотисто сверкнувшую пластинку – да не из пластика, а какую-то металлическую, на вид тонкую и тяжёлую. Пластинка поймала лучик солнца, и солнечные зайчики разбежались по лицу баб Ксени. Та прищурилась. То ли испугалась, то ли нет, но засуетилась. Агату слегка замутило, хотя отсветы падали только на старушку.

– Алёнка-то вечером придёт – её расспросите, – быстро сказала баб Ксения, – а у меня там варенье. Сама-то я ничего не видела и не слышала, сплю я крепко. Очень крепко!

– Попрошу не покидать село в течение двадцати четырёх часов, – сказал Костя официально, и гадалка поспешно закивала.

– Власть вашу признаю и подчиняюсь! – отрапортовала довольно бодро и заторопилась домой.

– Интересная какая, фактурная, – задумчиво сказал инквизитор. – Как ведьма слабая, а как человек вредная. Интересно...

– Лучше бы спросил, где батюшку искать, – не выдержала Агата, – чем старушек биркой с доступом пугать.

– Я даже не начинал, никакого воздействия, – пряча золотую пластинку в карман, заверил её Костя.

– Угу, то-то мне так дурно стало.

– Это всё духота. Будет дождь, – сказал Костя. – А батюшку искать, понятное дело, надо в часовне. Вон там, видишь, на пригорке? Гогоша, остаёшься возле дома, будешь часовым, понял? Обо всём потом доложишь!

Гусак вытянул голову и гоготнул, соглашаясь нести службу. А затем вернулся к пощипыванию придорожной травы.

Вопреки ожиданиям, в часовенке ничем особенным не пахло, кроме разве что недавно намытых деревянных полов. Словоохотливая старушка, вытиравшая пыль с широких низких подоконников, сообщила, что батюшка Алексей сейчас не в церкви, а в своём доме, а сюда придёт только к вечерней службе. Заодно успела рассказать, что нынче – Евдокимов день, работать в огороде или в поле хорошая примета, а без дела «лытать» нехорошая.

– Без дела мотаться всегда плохая примета, – пожав плечами, сказал Константин, – однако у нас как раз таки дело.

– Если дело, тогда другое дело, – напевно сказала бабуля. – Подите в огороды, там он. А ко мне сейчас придут студентики, будем для них с соседкой песни петь да заговоры говорить.

– Фольклорницы? – удивилась Агата. – А где их поселили?

– Да там же, где и физкультурников – возле овощебазы. Одну сарайку для мальчишек приготовили, другу – для девок. Не по факультетам же их делить.

– Ага, – деловито сказал Костя. – Надо будет наведаться.

– Думаешь о том же, о чём и я? – спросила Агата.

– Среди студенток филологического частенько водятся слабенькие ведьмы, они-то как раз главные охотницы за народными заговорами, – кивнул инквизитор.

– Ишь ты поди ж ты, – проворчала церковная бабушка. – А сами-то за чем охотники?

– За ведьмами, – сурово сдвинув брови, сказал Костя, и у бабушки не нашлось больше слов.

Перекрестившись, она поспешила скрыться в подсобке – Агата не была особенно религиозной и не знала, как называются все эти церковные помещения.

– Слушай, а церковь-то у них, – начала девушка, выйдя на воздух.

– Часовня.

– А какая разница?

– Здесь постоянный священнослужитель может и не жить, звонницы и звонаря нет. Видишь, колокол один, маленький, и у двери висит сам по себе? А внутри престола и алтаря нет. Сюда только время от времени заглядывают, поп может и вовсе по большим праздникам только приезжать. Ограды нет, кладбище вон общее – тут и звёзды, и кресты, и даже вон, полумесяц. Так что часовня, – ответил Константин.

– Никогда не разбиралась.

– Ты же ведьма, тебя такие места и вовсе отпугивать должны, – пожал плечами Костя.

– А! Вот! – обрадовалась Агата. – Я как раз и хотела сказать! В этой це... часовне никакого упадка сил у меня не было. Нечисто в ней.

– Я тоже что-то такое почувствовал, но проверять не стал. У меня, знаешь, кинжал в бауле остался, не думал, что надо будет проверять на святость.

– Костя, как тебя в комсомол-то приняли, – фыркнула Агата. – На святость!

– Ну извини, инквизиторы раньше отдельно от религии не существовали, так и было: Святая Инквизиция, – сказал Костя. – А теперь мы на службе Стране, которая...

– Ладно-ладно, – перебила Агата, избегавшая политических разговоров. – Всё и так понятно. Ты инквизитор, тебе с местным попом проще общаться будет, а я буду помалкивать.

За часовенкой действительно было кладбище, и просто удивительно, как глазастый Костик сумел разглядеть там надгробия. По правую руку начинались поля, а за ними – лес. Ну, а по левую Агата с Костей увидели белёный домишко, выросший в землю чуть ли не по самые окна. Резные наличники и крыша были выкрашены синей краской. Домишко утопал в зелени так, что и забора не было видно. У калитки топтался, крутя хвостом-бубликом, небольшой лохматый пёс, рыжий с белым и ничуть не страшный. При виде незнакомцев он пару раз гавкнул, счёл правила хорошего тона соблюденными и улёгся на тропинку – подремать.

Протопанная тропинка огибала дом. Она вывела ребят на картофельные угодья. Единственный среди пышных отцветших кустов картошки человек был одет в белую рубашку и тёмные штаны, подвёрнутые до колен. На белобрысой голове у него была цветастая панамочка размера этак на три меньше, чем надо. Завидев гостей, мужчина воткнул в грядку вилы.

– Добрый день, – шурясь на солнце, сказал Константин.

– Здравствуйте, молодые люди.

– А не вы ли будете Алексей Дормидонтович?

– Отец Алексей, – поправил мужчина. – Чем обязан?

– Уже картошечку копаете? – вежливо спросил Костя.

– Да где копаю, рановато, – охотно ответил мужчина. – Так, на ужин сварить молоденькой, в мундире. Люблю!

Картошка в мундире! С маслом и солью, да ещё с укропчиком! У Агаты тут же потекли слюнки. А в голове пронеслось, что припасов у неё никаких, и надо как-то этим озаботиться, если она не хочет остаться голодной на ночь. Мысль о том, имеет ли она право покопаться немножко на огороде и в доме Га-Галины, заняла девушку. Едва не пропустила, когда их пригласили к столу.

Стол стоял тут же под двумя яблонями. Откуда ни возьмись появилась молодая женщина с запотевшей от холода трёхлитровкой ягодного компота и миской оладий. Вишнёвое варенье и сметана прилагались.

– Угощайтесь, молодые люди, чем Бог послал, – сказала женщина, и тут же незаметно убралась куда-то, а батюшка задумчиво поглядел на то место, где она стояла.

У него были светлые волосы до плеч и рыжеватая борода. Не понять, какого возраста был этот человек: вроде как морщинок много, но все в основном вокруг глаз. Вообще на священника отец Алексей походил не особо. Скорее на какого-нибудь егеря или охотника, по крайней мере в представлении городской книжной девочки Агаты.

– Итак, молодые люди, слушаю вас. Венчаться вы вряд ли хотите, так какого вас... Так зачем вы тут?

– А нас тоже бог послал, – вырвалось у Агаты, и Костя, сидевший на лавочке совсем близко, двинул её под столом ногой.

Уй. Хорошо он в кедах, а если бы у него ботинки были?! Агата ответила пинком, и некоторое время они самозабвенно пинались под столом под внимательным и добрым взглядом отца Алексея. Потом ему, видимо, надоело, и он придвинул к ребятам миску с оладьями.

– Да вы ешьте, ешьте, – сказал он. – И рассказывайте!

– Венчаться точно не хотим, – спокойно сказал Костя, а Агата напротив, закашлялась компотом. – Я вообще-то к вам приехал из-за писем, – сказал Костя, напуская на себя серьёзность и суровость. – Вы сигнализировали?

И даже вынул из кармана, протянул Алексею исписанный тетрадный листок в узкую линейку.

– «Николай Алтын, Алёна Алтын... Встала воды попить... Сидела кошка чёрная, большая... Выстрелил и в кошку попал... Цыплят шпарила...», – принялся бормотать священник,

вытягивая губы дудочкой. – Да, помню такое письмо, писал его. На этой неделе, во вторник, с оказией отправил. Что ж вы так долго, молодой человек?

– Так сегодня только ещё четверг, – удивилась Агата. – Разве долго?

– А это что же, помощница ваша? Неужто и девочек стали в инквизиторское брать? – удивился поп.

– Я ведьма, – сказала Агата, – никто меня в «инквизиторское» не брал. Защитница для Спиваковой Галины я.

– Это что ж такое значит, «защитница»? – поднял густые светлые брови отец Алексей. – Адвокат?

– По сути да, – ответила девушка. – Прибыла, чтобы не допустить самосуда. Но его уже произвели. Вы мне скажите, отец Алексей, а вот из чего в кошку стреляли эти Алтыновы?

– Коля Алтын стрелял, охотничье ружьё у него. Дробью стрелял, иначе бы от кошки мало что бы осталось, – сказал поп и вдруг перекрестился. – Но только ведь не просто кошка это была!

– А почему вы тут все решили, что именно Галина в окно к Алтынам лазила? – спросила Агата.

– Эй, это моё дело, устанавливать степень вины ведьмы, – шепнул ей Костя. – Ну договорились же, что я буду спрашивать!

– А если ты не то спрашивать будешь? – заспорила Агата тоже шёпотом, хотя отец Алексей наверняка и так всё слышал.

– В селе проживают две ведьмы, почему вы подумали именно на Галину? – спросил Костя.

– Так ведь наутро Галина с перебинтованной ногой появилась, – уверенно ответил батюшка. – Ксения-то ведь Никитишна не хромала. Да вы у самих Алтынов-то вечером спросите. Кому, как не им лучше знать! Вот как придут с полей, чего ж лучше-то, поспросать.

– А сами вы с ведьмой Спиваковой конфликтовали? – строго спросил Костя.

– Я ей внушение делал, чтобы зря своими травками-отравками людей не травила, пусть или в аптеку едут, или к Богу обращаются за помощью, – серьёзно сказал отец Алексей. – Бывало, что и ругались с нею на религиозной почве, но она не безбожница, а хуже: бесовской веры, еретической.

– Ведьмы никакой не веры, у нас магический дар, а не какая-то там ересь, – обиделась Агата. – И хочу напомнить, что после Великой войны ведьмы полностью оправданы и являются такими же гражданами нашей страны, как и всякие там священники!

Алексий в ответ обижаться не стал, а сказал рассудительно:

– Да я и не говорю, что Галина Дементьевна не гражданка, бог с тобою! Да только не верю я в эти заговоры и зелья! О чём и председателю исполкома говорил, и фельдшеру, да и вам, инквизиторам, писал неоднократно. Не хочешь свечу за здоровье ставить – в фельдшерском пункте всё есть, и зелёнка, и аспирин, и аскорбинка.

Костик не сдержал ехидной усмешки. А вот Агате было обидно. Галина, судя по травмам на её огороде, была толковым фитотерапевтом, да и образование фармацевта означал, что ведьма разбиралась не только в сортах зелёнки!

– А ружьё у вас есть, отец Алексей? – спросила она внезапно.

– Помилуй Бог, – перекрестился поп, – как можно?

– А если мы проверим?

– Проверяйте, – развёл руками Алексей. – Только ведь я не охотник и не браконьер. Этим у нас Колька Алтын промышляет, да ещё несколько человек, у кого охотничьи билеты есть... и у кого нет. Не говоря о том, что у некоторых ещё с войны остались боеприпасы. У Бажановых, у Красиных, Рублёвых... А я отцовскую винтовку сдал сразу. Потому что я за мир. И на охоту не хожу, и стрелять ни в кого не стреляю. А что Ксении Никитишны зять лесником

был, пока в район не подался, или что у Михайленко до сих пор калаш хранится, я ж на всю деревню не треплюсь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.